

Глава 30: Какая наглость!

—

Проснувшись, Сяо Шань почувствовал лёгкий сладкий аромат.

Открыв глаза, он увидел тарелку с фруктами на прикроватном столике и несколько апельсиновых корок на подушке. Се Чжуй рядом не было. Желудок Сяо Шаня был пуст, он немного проголодался, но совершенно ничего не мог съесть, что его расстраивало.

Он протянул руку, взял апельсиновую корку и поднёс её к носу, вдыхая слабый аромат. Головокружение от морской болезни всё ещё присутствовало, но его беспокойное, бурлящее сердце получило абсолютное утешение.

Когда он поменял апельсиновую корку на новую и положил её на нос, Се Чжуй толкнул дверь и вошёл. В глаза ему бросилось жёлтое пятно на белом лице Сяо Шаня.

Увидев Сяо Шаня таким по-детски наивным, он на мгновение замер, затем, заметив, что Сяо Шань больше не выглядит таким подавленным, улыбка расплылась по его глазам.

Сяо Шань, уткнувшись носом в апельсиновую корку, не двигался, глядя на человека в дверях с улыбкой в глазах: «Очень помогает». На самом деле, настоящий эффект был не так уж велик, но это было проявление заботы Се Чжуй, и он не мог его обмануть.

Хорошее настроение тоже было отличным лекарством от морской болезни.

Эмоции Се Чжуй были сдержанными. Услышав это, он подошёл и сказал: «Это народное средство. Кому-то помогает, кому-то нет». Сяо Шань всё ещё чувствовал себя не очень хорошо, и его слова не были искренними, но Се Чжуй не хотел его разоблачать.

Се Чжуй сел на край кровати и сказал: «Я сварил немного каши, добавив туда что-то, что пробуждает аппетит. Хочешь немного?»

Сяо Шань поднял бровь: «Ты сам сварил?»

Се Чжуй кивнул. У него не было таланта к готовке, но каша получалась неплохо, хотя и не так хорошо, как у поваров в поместье.

Сяо Шань сел, апельсиновая корка упала на него. Он подумал, что раз уж кашу сварил сам Се Чжуй, то он не должен её выбрасывать, даже если у него нет аппетита.

Увидев, что он готов поесть, Се Чжуй обрадовался и тут же вышел за кашей.

Погода была жаркой, окна в комнате были открыты, и из них можно было видеть далёкую реку.

Поверхность воды постоянно волновалась, совсем не была спокойной.

Сяо Шань смотрел, и у него начинала кружиться голова. Если бы не было так жарко, он бы тут же плотно закрыл окна.

Сяо Шань никогда раньше не плавал на корабле. Император не любил путешествовать на юг, и у него были основания подозревать, что императора тоже укачивает.

Пока он думал о всяких пустяках, Се Чжуй принёс кашу.

Каша была немного горячей, с кусочками боярышника, и выглядела очень красиво: белая каша с несколькими красными вкраплениями.

Помимо каши, Се Чжуй принёс ещё тарелку хрустящих маринованных редисок.

Сяо Шань предложил Се Чжую поесть кашу вместе, Се Чжуй без колебаний вышел, налил себе ещё одну тарелку и молча принялся есть.

Каша была ещё немного горячей, с лёгким кисло-сладким вкусом. В сочетании с хрустящими и вкусными ломтиками редиса, это было просто идеально.

Се Чжуй проглотил редиску, и только потом с запозданием осознал, что эту редиску Сяо Шань поднёс ему ко рту, и он просто съел её.

Се Чжуй почувствовал, что в комнате стало жарко, и его лицо тоже покраснело.

Лицо Сяо Шаня, однако, было необычайно спокойным, словно он сделал что-то совершенно обычное. Он сказал: «Что толку просто есть кашу? Эти редиски вкусные, ешь побольше». Муж и жена, конечно, должны есть кашу вместе и редиски тоже.

Се Чжуй опустил глаза и сказал: «Это принёс старший брат. Если Вашему Высочеству нравится, я пойду и возьму ещё».

«В следующий раз», — прямо сказал он. Услышав, что это вещи Се Чэня, Сяо Шань не стал церемониться.

Се Чжуй согласился и молча ел кашу, молча ел редиски, которые ему подкладывал Сяо Шань.

Несмотря на морскую болезнь, аппетит Сяо Шаня был на удивление хорошим, и он съел целую миску каши.

Се Чжуй вздохнул с облегчением. Он не боялся, что Сяо Шань будет привередлив в еде, он боялся, что тот вообще ничего не сможет есть.

Когда Сяо Шань доел, он вынес миску.

Сяо Шань не считал, что Се Чжуй должен заниматься такими мелочами, но сейчас, если бы ему пришлось встать и ходить по кораблю, его бы вырвало.

На всякий случай он всё же остался лежать в постели.

Вышедший Се Чжуй лично помыл миски на кухне.

Они не использовали посуду корабля, всё это они привезли из поместья князя.

Се Чжуй, закончив мытьё, собирался вернуться и убрать миски.

По пути он встретил Гу Нина, телохранителя Се Чэня.

Гу Нин раньше был странствующим бойцом, а затем получил серьёзное ранение на Северной границе и его приютил Се Чэнь. Гу Нин был очень искусен в боевых искусствах и обычно молчалив.

Се Чжуй, увидев Гу Нина, не дожидаясь, пока тот заговорит, сказал: «Старший брат хочет меня видеть?»

Гу Нин кивнул.

Се Чжуй, держа миску, пошёл за ним к Се Чэню.

Се Чэнь, кстати, не страдал от морской болезни, но он тоже ел кашу, сваренную Се Чжуем.

Услышав о приходе Се Чжуя, Се Чэнь слегка улыбнулся: «Третий господин проснулся?»

Се Чжуй кивнул: «С трудом съел немного каши, боюсь, так и будет мучиться какое-то время».

Се Чэнь молчал. Если сравнивать страдания, разве Се Чжуй, сражавшийся на войне, не страдал больше? Тогда он не чувствовал себя несчастным, а теперь беспокоился о Сяо Шане,

страдающем от морской болезни.

Выехав из столицы, никто из них, естественно, не называл своих титулов и настоящих имён.

Се Чжуй был исключением, его бледное красное пятно на лбу было особенно заметным знаком.

Если бы кто-то захотел найти такого человека, он наверняка нашёл бы его.

По мнению Се Чжуня, лучше всего было бы, чтобы он притворился мужчиной, скрыв бледное красное пятно на лбу пудрой, и немного прикрыв лоб волосами, чтобы его не заметили.

Он мог бы притвориться телохранителем Сяо Шаня.

Се Чэнь тоже посчитал это хорошей идеей.

Но Сяо Шань не согласился. Сяо Шань сказал, что Се Чжуй — его супруг, и нет нужды что-либо скрывать.

Главное, все знали, что Се Чжуй притворялся мужчиной, когда служил в армии, и с ними ехал Цзун Цин.

Цзун Цин знал личность Се Чжуня и, конечно же, не стал бы относиться к нему как к мужчине. Общение было бы неловким, и это легко могло бы вызвать подозрения.

Вместо этого лучше было открыто признать личность Се Чжуня как гера, конечно, не показывая его бледную красную родинку, а, наоборот, сделав её ещё ярче.

Так что, хотя оба и притворялись, Се Чжуй хотел скрыть родинку.

Сяо Шань же хотел подкрасить бледную родинку, чтобы она приобрела свой первоначальный цвет.

Таким образом, никто не стал бы ничего говорить о том, что Се Чжуй живёт с ним в одной комнате.

Что бы ни думали другие, Се Чжуй был убеждён.

Теперь он был гером, и к тому же супругом третьего господина Сяо Шаня.

Се Чэнь на самом деле позвал Се Чжюя не просто так, а потому что, общаясь с ним так близко, он вдруг обнаружил, что отношение Се Чжюя к Сяо Шаню сильно изменилось.

Оно стало гораздо более близким и интимным.

Се Чэнь не знал, хорошо это изменение или плохо.

Се Чжуй находился в военном лагере, самом опасном, но и самом простом месте.

Там, если ты достаточно силён, ты можешь завоевать восхищение всех.

Но задний двор княжеского дворца отличался от военного лагеря, задний двор всегда был местом, где убивали без пролития крови.

Он так думал не потому, что считал Се Чжюя недостаточно хорошим, наоборот, он считал Се Чжюя лучшим братом в этом мире, достойным того, чтобы его лелеяли. Он просто не очень доверял Сяо Шаню.

Во-первых, статус Сяо Шаня был определён, он был князем, и у него всегда должны были быть свои дети.

Но Се Чжуй был гермом, и рождение детей было для него трудностью.

Сяо Шань, будучи князем, рано или поздно, даже ради потомства, будет иметь самых разных красавиц рядом с собой. Се Чэнь боялся, что Се Чжуй всё глубже увязнет и в итоге причинит себе боль.

Раньше Се Чжуй тоже понимал это, и даже очень спокойно относился к тому, что у Сяо Шаня в будущем будут наложницы, совсем не беспокоясь.

Тогда Се Чэнь был спокоен, но теперь Се Чжуй, похоже, забыл своё первоначальное намерение и немного увяз. Говоря откровенно, это было нехорошо.

Се Чэнь изначально хотел сказать это Се Чжюю, чтобы тот был готов к такому развитию событий.

Но когда Се Чжуй действительно оказался перед ним, и Се Чэнь услышал нескрываемое беспокойство Се Чжюя о Сяо Шане, он вдруг передумал что-либо говорить.

По крайней мере, сейчас Се Чжуй был счастлив, переживая различные эмоции, общаясь с самым близким человеком.

Что плохого в том, чтобы ему было весело и радостно в течение этого путешествия в Цзяннань и обратно?

Если действительно наступит день, когда Се Чжуй будет ранен Сяо Шанем, то у него будет дом, и у него будет этот брат.

Размышляя об этом, Се Чэнь сказал: «Судя по твоим словам, у третьего господина уже немного восстановился аппетит, так что тебе не стоит слишком беспокоиться».

Се Чжуй постоянно беспокоился о Сяо Шане, чьё лицо выглядело неважно, и у него не было времени думать о чём-то другом.

Он тяжело вздохнул и сказал: «Ему очень нравятся редиски, которые принёс старший брат. Старший брат, пожалуйста, дай нам ещё немного».

Се Чэнь: «...»

Он беспокоился о том, что его брату в будущем будет больно, а его брат уже начал выпрашивать у него вещи для своего князя.

—

Последующие полмесяца доказали, что опасения Се Чжужа были не беспочвенны.

Аппетит Сяо Шаня оставался очень плохим. Иногда ему с трудом удавалось что-то съесть, но желудок всё равно сильно бурлил из-за морской болезни. Он всё время чувствовал себя вялым и лишь перед Се Чжужем с трудом поднимал настроение.

В результате Сяо Шань заметно похудел, его щёки почти потеряли полноту, он выглядел исхудавшим и бледным, как беженец.

Сейчас, если бы кто-то указал на него и сказал, что это принц, который живёт в роскоши, никто бы не поверил.

Из-за этого Се Чжуй тоже испытывал непередаваемые чувства, немного болело сердце.

Цзун Цин был предан императору, но в критических ситуациях он не был упрям.

Видя Сяо Шаня в таком состоянии, он тоже очень беспокоился, боясь, что если с ним что-то случится, то и ему конец. Поэтому, после нескольких дней пребывания Сяо Шаня на корабле, видя, что ситуация не улучшается, он предложил Сяо Шаню сойти с корабля на ближайшей

переправе и присоединиться к эскорту императорского посланника.

А сам он отправится в Лянчжоу на корабле один.

Император приказал ему присматривать за Сяо Шанем не только для того, чтобы он не наводил беспорядок, но и в большей степени для того, чтобы обеспечить его безопасность.

Если бы с Сяо Шанем что-то случилось под его присмотром, он не смог бы отчитаться перед императором.

Но Сяо Шань не согласился.

Путь в Лянчжоу по воде был намного быстрее, чем путь по суше с огромным эскортом императорского посланника.

Спрятавшись в эскорте посланника, он увидел бы только то, что ему хотели показать.

Прибыв в Лянчжоу заранее и подслушивая разговоры простых людей, он смог бы узнать истинное положение дел в Лянчжоу, а также понять, был ли Лю Цзинсюань хорошим чиновником или коррумпированным.

Если бы он сейчас сошёл с корабля и присоединился к эскорту, любой бы посчитал это подозрительным.

Если бы кто-то проболтался и новость дошла до Лянчжоу, а кто-то заподозрил, что на корабле ещё кто-то есть, то Цзун Цин оказался бы в опасности.

Когда человеческое сердце становится злым, никто не может предсказать, что произойдёт.

Поэтому, как бы плохо ни было Сяо Шаню, в конце концов он решил терпеть.

Всё равно, зажмурься и открой глаза — и пройдёт день, время всегда идёт, и рано или поздно они ступят на землю Лянчжоу.

Цзун Цин не смог его убедить и оставил его в покое.

Но его лицо становилось всё более спокойным, а выражение — всё более серьёзным.

К счастью, в последние несколько дней, то ли он привык к жизни на корабле, то ли снова и снова убеждал себя, что его не укачивает, то ли благодаря заботливому уходу Се Чжужа, в общем, перед тем как сойти с корабля на переправе в Лянчжоу, аппетит Сяо Шаня улучшился,

по крайней мере, он уже не всё, что съедал, выплёвывал.

Увидев это, Се Чжуй тихо вздохнул с облегчением.

К счастью, путешествие прошло довольно гладко, потому что Сяо Шань каждый день заставлял себя есть, и его тело было в порядке, он не заболел.

Лянчжоу – это водный транспортный узел. Он расположен близко к Янчжоу, а если плыть по Великому каналу, можно добраться до Восточного моря. Это отличное место для морской торговли.

Они стояли в длинной очереди, чтобы сойти с корабля.

Когда нога Сяо Шаня снова ступила на землю, его ноги были мягкими, как вата, и он совершенно не чувствовал опоры.

Он крепко держал Се Чжуя за руку, только так ему удалось не упасть.

Многие люди сходили с корабля, и все двигались очень медленно. Вначале Сяо Шань и другие не понимали почему, но подойдя ближе, они обнаружили, что там кто-то собирает деньги.

Говорят, эти деньги назывались «плата за сход на берег». К удивлению Сяо Шаня, деньги собирало не правительство, а человек, похожий на управляющего. За ним стояли люди, похожие на слуг, а серебряные сундуки стояли рядом со столом.

Один сундук наполнялся, затем его меняли на другой.

Многие люди впереди заплатили, некоторые по несколько медных монет, другие больше. Непонятно, по какому стандарту, но все, независимо от богатства, должны были платить. И по их виду было понятно, что они уже привыкли к этому.

Сяо Шань, ещё не войдя в Лянчжоу, был потрясён царящей здесь атмосферой.

Когда очередь дошла до них, человек, сидевший и собиравший деньги, увидев болезненный вид Сяо Шаня, почувствовал лишь отвращение. Он нетерпеливо постучал по столу и сказал: «Вам двоим — один лян платы за сход на берег».

Сяо Шань усмехнулся. Он прожил столько лет, и впервые кто-то осмелился говорить с ним таким тоном, даже его отец такого не делал.

И если он не ошибся, то те, кто был перед ним, заплатили всего несколько медных монет.

Но Сяо Шань не собирался в этот момент искать неприятности, поэтому он, не сказав ни слова, заплатил эти деньги.

Но он не ожидал, что, несмотря на его уступчивость, эти люди начнут говорить гадости.

—

<http://bllate.org/book/14491/1282522>